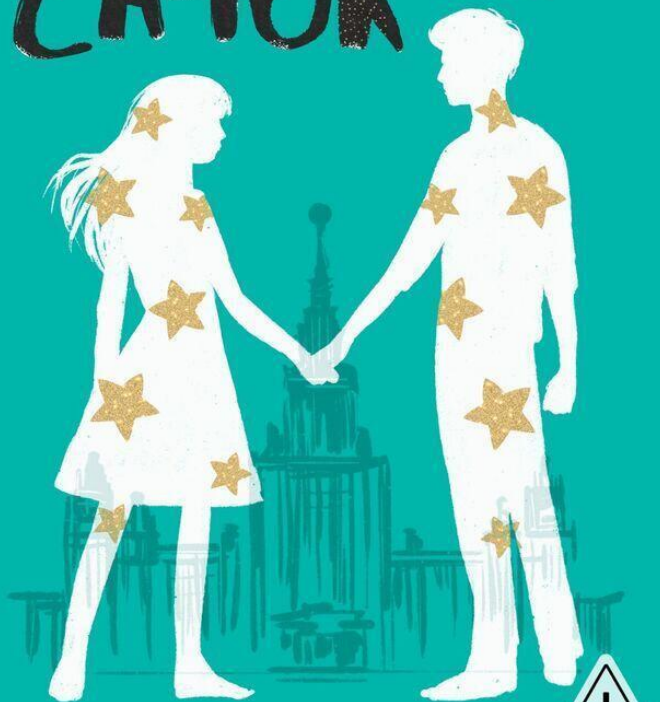

18+

ВОЛШЕБНЫЙ САЧОК

Ольга
Мамаева

Выпускники МГУ о времени,
которое не отпускает

Ольга Мамаева

Волшебный сачок

<https://litres.ru/74150832>

ISBN 9785007008198

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Сачок», он же «сачкодром». Место, где студенты МГУ практиковали «неформальное общение», а по сути — просто жили. В этой книге речь пойдет об одном поколении. Точнее, о крошечной его части — московских баловнях судьбы, студентах престижного факультета. Чем дышала молодёжь в середине 90-х, о чём спорили, как зарабатывали и тут же теряли первые миллионы, какую музыку слушали, в кого верили? История о нашем будущем и о попытках договориться с настоящим.

Содержание

Вместо предисловия	5
От автора	8
Образование плюс молодость	10
Глава 1.	13
Глава 2.	19
Трудности быта	33
«Сачок»	39
«Сельпо» и окрестности	44
Мажоры	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Волшебный сачок

Ольга Викторовна Мамаева

Автор идеи Дмитрий Шохин

Корректор Мария Янушкевич

Корректор Анастасия Ласточкина

Продюсер Русина Ши

© Ольга Викторовна Мамаева, 2026

ISBN 978-5-0070-0819-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

*Любил он с детства Правовые средства.
Из фольклора юрфака МГУ*

*«В России надо жить долго, тогда до всего
доживешь».
Корней Чуковский*

*«Иде ж ты, иде ж ты, заступница моя родная?
Иде ж ты, Юриспруденция, дева чистая, мятная,
неподкупная?»
Василий Аксенов*

Идея написать эту книгу появилась по мере развития социальных сетей. В них все рассказывали разные смешные истории, в основном из детства и юности. Это, конечно, было связано с учебой в старших классах школы и университете. К тому же надвигалась круглая дата — 20 лет с момента окончания университета.

Я очень признателен Ольге Мамаевой за то, что она согласилась взять на себя такой титанический труд и, помимо написания книги, попыталась опросить всех выпускников нашего курса, побеседовать с преподавателями и сочувствующими. К моему удивлению, далеко не все восприняли нашу идею положительно, многие сначала соглашались поговорить, потом отказывались, некоторые вообще не отклик-

нулись.

Потом случились *COVID-19* и ряд других событий, и вот уже можно было отмечать выпуском этой книги 25-летие окончания курса. Но и здесь что-то встало на пути. Как только мы подходили к завершению работы, происходили какие-то существенные события, и каждый раз вставал вопрос, надо ли снова побеседовать со всеми, чтобы все актуализировать. На каком-то этапе мне стало казаться, что работа над книгой должна продолжаться вечно, что ее окончание, как в каком-то фэнтези, может привести к катастрофическим последствиям. Но — как поется — сомненья прочь.

К огромному сожалению, по мере того как мы продвигались с написанием книги, все больше наших преподавателей и однокурсников покидало нас. Например, я отлично помню смех Саши Савицкого и улыбку Егора Платонова и до сих пор с трудом верю в то, что Димы Сущева и Леши Ленкова (Сладкого), которые были с нами в начале нашей работы, уже нет. Отдельно хочу вспомнить Антона Муравьева, он не учился с нами, но был частью нашей жизни.

Параллельно с работой над книгой я очень активно занимался исследованием истории своей семьи. Мне удалось найти удивительные факты из прошлого, и по мере того как я обнаруживал все больше информации о своих предках, я все больше чувствовал свою связь с историей. Например, мне удалось найти личный архив дочерей сестры моего прапрадеда, профессора Михаила Павловича Никитина, который

был основателем кафедры психиатрии вместе с профессором Владимиром Михайловичем Бехтеревым. Так вот, его сестра Ольга была замужем за одним из первых исследователей корейского языка — Григорием Подставиным. Дочери Ольги и Григория иммигрировали вместе с родителями в Харбин из Владивостока в 1924 году, а когда Харбин «закрылся» в 1953 году — разъехались по всему миру. Только одна дочь, Ариадна Подставина, вышла замуж и с мужем, Борисом Костериным, уехала в Австралию. Совершенно случайно мне удалось найти их дальнюю родственницу, Ольгу Костерину, которая живет в Сиднее и которая вначале отказывалась отвечать на мои письма с просьбой пообщаться, — я подозреваю, что для нее это выглядело как сюжет фильма «Здравствуйте, я ваша тетя!»: «Им нужна не я, а мои миллионы».

С книгой наш путь был проще, и я бесконечно признателен многим однокурсникам и однокурсницам, которые неоценимо помогли с тем, чтобы все получилось. Очень хочется, чтобы у нас осталась добрая память о проведенных вместе годах как во время обучения, так и после.

Я рад, что книга готова, и желаю всем приятного чтения.

От автора

Большое, как известно, видится на расстоянии. Четверть века — ничтожный срок в масштабах истории, но достаточный для частной памяти. Эта книга — попытка увидеть жизнь страны середины 1990-х, времени моего детства, глазами людей, которых я никогда прежде не знала, да и сейчас не сказать, что знаю (а большинство — даже не видела вживую). Но они все, каждый по-своему, стали для меня проводниками в ту эпоху, которая моим ровесникам известна в основном по газетной хронике, документальным фильмам, рассказам родителей и собственным смутным воспоминаниям. Почти ничто из того, что я узнала, общаясь с выпускниками юридического факультета МГУ 1998 года, не стало для меня сюрпризом. Рассказы о романтическом десятилетии свободы и лихих девяностых звучат в равной степени часто из уст коллег, родственников, соседей и тем более политиков. Моей задачей было зафиксировать не официальную — частную память и, как трафарет, наложить ее на полотно нашей общей истории.

В фокусе этой книги — одно поколение, вернее небольшая его часть: относительно благополучная московская молодежь, студенты престижного тогда факультета главного российского университета. Но проблемы, которые мы попытались здесь затронуть, гораздо шире — и социально, и куль-

турно, и географически. Чем жили молодые люди в середине 90-х? О чем спорили, к чему стремились, как искали себя? Как зарабатывали первые деньги? Где отдыхали? Какую музыку слушали? Кого считали своими кумирами? Как представляли будущее, свое и страны, и как переживают настоящее?

Далеко не все из моих собеседников захотели совершить марш-бросок в недавнее прошлое и рассказать о своем опыте взросления: для кого-то и 25 лет — недостаточный срок, чтобы как следует отстраниться от себя вчерашнего. Но тем, кто это сделал, я выражаю самую искреннюю благодарность. Не берусь судить, насколько точно удалось зафиксировать дух времени и гения места, но почувствовать по эту сторону оказалось возможным. И за это тоже — большое спасибо всем героям книги. Работа над «Волшебным сачком» началась в 2018 году, основной текст завершен в 2019-м, но по разным причинам выходит только сейчас. За это время мы успели прожить несколько эпох, и такое уплотнение исторического времени позволяет еще шире посмотреть на героев книги.

Ольга Мамаева

Образование плюс молодость

Я как раз в пух и прах разругался с ректором своего университета и весь день обдумывал фантастическую, но от этого еще более навязчивую идею — освободить родной факультет от власти ректората. Давно пора открыть на базе истфака независимый от «ненавистных юристов» исторический институт. У нас с самого основания университета (в 19 веке — Демидовский юридический лицей) всем заправляют юристы, да и ректор, который отклонил очередную нашу инициативу — недавний декан юрфака, известный адвокат. И ровно в этот момент на меня буквально свалилась эта книга, окунув в водоворот образов, идей и личных воспоминаний.

Забыв любовь, забыв покой,
Забыв долги портному,
Юрист качает головой
Над текстом незнакомым.
Corpus Juris проклял он,
И Гая, и Юстиниана,
Ему повсюду снится сон:
Дигесты, пиво и бесславие!
Lex Julia грозно нам грозит,
Процесс гражданский душу мучит,
Но если нас кабак манит —
Нас ни один декан не скрутит!

Старая песенка из позапрошлого века хорошо передаёт нам тот непреложный факт, что образование плюс молодость буквально клеймят человека. Сколько я помню студентов-юристов, у них всегда были черты, которые выдавали их за версту. Читая книгу про студентов и профессоров, я постоянно улыбался — типажи, ситуации, смешные истории — все такое знакомое... Но, право слово, в какую эпоху они учатся! Сталинисты, анархисты, панк-юристы и рейверы — встречаются, общаются, дружат и ссорятся, пытаются сдать экзамен, покупают портвейн в «сельпо» и тусуют на «сачке». А вокруг них — слом экономической модели, летят пули в Белый дом, поет Вадим Степанцов, происходит историческое расслоение студентов на мажоров и ботаников. Многие истории и байки из «Волшебного сачка» я бы обязательно использовал в дизайн-коде и мерче юрфака МГУ, особенно — части с описаниями преподавателей. А рассказы про Михаила Глазунова, вообще напомнили мне классику 19 века:

Экзамен строго принимает,
Нас держит в страхе, как в цепях,
Чуть что не так — он намекает
На белый снег в чужих краях.
«Вы не юрист, а бунтовщик! —
Кричит профессор, взяв перо, —
Я ваш нигилистический язык
Отправлю в ссылку, за уральский штык!

Права не сдали вы, майн херр,
Законов Свода вы не чли,
Для вас — Сибирь, жандарм, курьер,
И марш-бросок на край земли!»

А вы посмотрите на эти фото! Какие, черт возьми, красивые были парни и девчонки в 90-х! Понятно, что каждый хвалит своё поколение, но, как говорится, не могу молчать — про всю эту нашу жизнь!

В своей библиотеке я поставлю «Волшебный сачок» на полку рядом с воспоминаниями питерского студента-юриста Лонгина Пантелеева и московского Анатолия Кони, которые рассказали про очень сходную по сути эпоху реформ 1860-х гг. в главных университетах империи. Это было время больших надежд как у Диккенса и огромной свободы, время удивительное... Хочется почувствовать себя одним из персонажей фильмов про «назад в будущее» — отправиться на «сачок» и тусануть там с героями и героинями книги, которую вы только что открыли.

Виктор Куликов,
кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета (ЯрГУ) им. П. Г. Демидова, который в 1998 году сдал вступительные экзамены на юрфак на «5», но перепутал дату английского (последнего экзамена) и стал историком.

Глава 1.

Первый ГУМ, седьмой этаж

В этой небольшой книге мы решили рассказать о времени через призму места. Это место для многих студентов МГУ середины 1990-х годов стало чем-то средним между Царско-сельским лицеем, научной лабораторией и отцовским гаражом, где тогда неуверенно прорастали первые ростки будущего российского капитализма.

Время действия книги — с 1993 по 1998 год — хронологически совпало с одним из самых сложных и драматичных моментов в истории России. Об этом периоде уже написано и еще будет написано множество книг, но мне представляется, что самый честный способ рассказать о той или иной эпохе — дать слово тем, кто ее пережил. Герои нашей книги — выпускники юридического факультета МГУ 1998 года — вспомнят себя, своих однокурсников и преподавателей, знаковые события и места юности, а еще — собственные мечты, чаяния, ошибки, страхи, победы и провалы. Словом, все, без чего нельзя представить ни отдельного человека, ни целую страну.

Сегодня Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова — крупнейший в России образовательный кампус, в составе которого находятся десятки зданий по всей стране и за ее пределами, включая главное — знаменитую высотку на Воробьевых горах в Москве. Однако история МГУ началась не здесь. В момент своего создания в 1755 году Московский университет занимал небольшое здание бывшего Земского приказа, на месте которого в 1875—1883 годах был построен Государственный исторический музей. При Екатерине II университет расширили и перевели в здание на противоположной стороне Моховой улицы, через дорогу от Манежа (его, правда, построят позднее, в 1817 году). Вскоре под университетские нужды отдали еще несколько соседних корпусов — в них и по сей день располагаются гуманитарные факультеты МГУ: психологии, журналистики, искусств, а также Институт стран Азии и Африки. В одном из этих зданий на протяжении почти двух столетий (с перерывами) находился и юридический факультет.

32-этажное здание на Ленинских горах по проекту Бориса Иофана и Льва Руднева построили в 1953 году. В центральном корпусе расположились основные факультеты, в боковых крыльях — общежитие для студентов и аспирантов, а также квартиры для профессоров и преподавателей. В одной

из этих 12-этажных башен жила (и до сих пор живет) семья **Натальи Гуськовой** — в 1993—1998 годах студентки юридического факультета.

«Квартира была большая, с высокими потолками и огромными окнами, а главное — с черным ходом, чтобы всех неугодных можно было арестовывать и увозить, не тревожа остальных жителей, — рассказывает она. — Вечеринок там мы почти не устраивали, потому что соседи были очень серьезные люди, сплошь профессура, к тому же внизу круглосуточно дежурила охрана. Так что если кто-то из однокурсников и заходил в гости, вел себя очень тихо. Все самые веселые тусовки случались совсем в других местах».

Несмотря на колоссальный масштаб строительства на Ленинских горах, уже в конце 1950-х стало очевидно, что для размещения всех научных лабораторий, технических помещений, учебных и жилых корпусов потребуются дополнительные площади. Долгосрочный план расширения МГУ включал создание целого университетского городка, который должен был расположиться между нынешними Мичуринским проспектом и проспектом Вернадского. Отдельные строения оказались за пределами этой территории. Так, в 1971 году рядом со станцией метро «Академическая», на пересечении Большой Черемушкинской улицы и улицы Шверника построили 17-этажное здание студенческого общежития университета — знаменитый Дом аспиранта и стажера (ДАС), куда переехали многие студенты, обитавшие в жилых

корпусах главного здания МГУ. Еще одно крупное общежитие появилось в позднесоветские годы на проспекте Вернадского.

В 1970 году в восточной части университетской территории построили здание Первого гуманитарного корпуса (Первый ГУМ), куда впоследствии переехали большинство гуманитарных факультетов, в том числе юридический. Центральный вход в 11-этажное модернистское здание по сей день украшает бетонное панно с четырьмя угловатыми фигурами, символизирующими получение Знания. Издалека надпись читается как «Батя», за что корпус сразу же получил соответствующее неформальное прозвище среди студентов. Впрочем, бытовали и другие, не менее говорящие названия. Осенью 1973 года в МГУ проходил Всемирный конгресс миролюбивых сил за международную безопасность и разоружение, национальную независимость, сотрудничество и мир, и студенты уже тогда пели популярную частушку:

Как пред нашим пред гумном
От милиции темно.
«Что случилось?» — я спросил. —
Конгресс миролюбивых сил!

«Первый год мы с моей женой отучились в историческом здании на Моховой улице, а на втором курсе, прямо 1 сентября, переехали в „стекляшку“ на Ленинских горах, — вспоминает выпускник экономического факультета МГУ, прези-

дент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Шохин. — Тогда это было новое с иголочки здание, и всем студентам оно очень нравилось. А когда мы там впервые оказались вместе с моим сыном Митей в 1993 году, были, мягко говоря, очень удивлены: вместо прекрасного сооружения из стекла и бетона увидели что-то малопривлекательное, казавшееся нам уже довольно обшарпанным. Внутри все было как раньше: тот же „сачкодром“, те же аудитории, но прежнего обаяния почему-то не было. Мы с супругой Татьяной Валентиновной, тоже выпускницей экономфака, очень волновались: понравится ли здесь Мите так, как в свое время нравилось нам? Надеюсь, у сына все-таки не было ощущения, что он попал в „гумно“, как мы его в шутку называли».

«Юрфак находился в первом гуманитарном корпусе на том же этаже, где в годы моего студенчества располагался экономический факультет, — добавляет Татьяна Шохина. — Помню, я все рассказывала Мите, какая удивительная в университете атмосфера, как там прекрасно. Уверяла его, что он зайдет на порог и влюбится в это место раз и навсегда. Но я, конечно, не представляла, насколько все изменилось с 1974 года, когда мы с мужем окончили университет. В 1993 году мы приехали на Воробьевы горы и увидели если не разруху, то какие-то грязные лавочки, вокруг которых все было заплевано поколениями студентов. Словом, внешне ничего не напоминало о том прекрасном университете, ко-

*торый я так любила. Митя на все это посмотрел и сказал:
„Мама, похоже, ты ностальгируешь“»*

Глава 2.

Территория свободы

В начале 1990-х жизнь в России стремительно сворачивала на капиталистические рельсы. Процесс, что было впервые, пошел снизу: небольшие частные фирмы в Москве, да и по всей стране множились как грибы после дождя и так же быстро закрывались. Самые успешные часто становились жертвами рейдерских захватов и бандитского передела. Некоторые выживали и продолжали работать, предусмотрительно обзаведясь «крышей». Неудивительно, что самыми востребованными и, следовательно, высокооплачиваемыми специалистами в стране оказались экономисты и юристы: первые знали, как заработать деньги, вторые — как не сесть за это в тюрьму.

Конкурс на оба направления во всех российских вузах был огромным: в МГУ в 1993 году на одно место претендовало до десяти абитуриентов. Для поступления требовалось сдать четыре экзамена: английский язык, сочинение, историю, а также историю и теорию государства и права (которой не было в школьной программе).

«МГУ славен в основном естественниками — математиками, биологами, химиками, и на нас долгое время смотрели сверху вниз, — признает бывший декан юридического фа-

культета, один из авторов Гражданского кодекса РФ **Евгений Суханов**. — Один из проректоров мне все время говорил: „Слушай, что у вас за наука такая — право? Я никак не пойму“. Я ему рассказывал, объяснял, что это и почему это важно. Когда Виктор Садовничий стал ректором, он завел традицию каждое первое воскресенье января проводить день открытых дверей, куда приезжали абитуриенты со всей Москвы, а то и России. И он всем рассказывал, в том числе проректорам, одно и то же: что в МГУ поступить трудно, но учиться еще труднее, потому что здесь такие сложные предметы, как математический анализ, биофизика, еще какие-то точные предметы. И на четвертый или пятый год к этому списку добавилось римское право. Я тогда подумал: „Ну, слава богу. Наконец-то и нас стали уважать“».

«Не знаю, как сейчас, а в 90-е поступить на юрфак МГУ с улицы было невозможно, — утверждает **Олег Громыко**. — Многие там оказались по блату, но, конечно, были и те, кто поступил самостоятельно. Правда, они — в меньшинстве». С ним согласна однокурсница **Мария Куртишова**: «Поступление в МГУ стало для меня настоящей школой жизни: я поступала три раза и всякий раз видела, что при прочих равных или даже при небольшом моем преимуществе перед мальчиком все равно выбирали мальчика, ведь ему надо в армию. Не могу сказать, что это вызывало у меня большой протест: я понимала, что со мной ничего не бу-

дет, а вот что станет с парнем, попади он в армию? Советская разложившаяся армия была тяжелейшим, непосильным испытанием для нормальных мальчиков. Университет же был пространством по большому счету тепличным».

В 1992 году юрфак возглавил новый декан — профессор, заведующий кафедрой гражданского права Евгений Суханов. По легенде, в первый же день ему принесли списки зачисленных — до всяких экзаменов — абитуриентов. Суханов его тут же порвал со словами: «Никакого блатата нет, все будут поступать на равных». Многие сегодняшние выпускники верят, что личная позиция декана тогда позволила попасть в МГУ простым парням и девушкам, не мажорам. Впрочем, маховик советской блатной системы, пронизывавшей все сферы жизни, продолжал работать по инерции и вне зависимости от воли начальства. *«Мой папа был тогда проректором МГУ, и я очень просила не оказывать мне никакого содействия в поступлении, — вспоминает **Наталья Гуськова**. — Поступила. И одно из должностных лиц подошло к папе со словами: „Поздравляю, ваш сын поступил!“ На что услышал ответ: „Спасибо, но у меня дочь“. Дальше немая сцена. Действительно, у нас на курсе был юноша-однофамилец, которого приняли за меня и „поступили“».*

«Самым трудным испытанием в это время были просьбы и ходатайства со стороны мам, пап, дядей, дедушек и так далее, которые звонили мне, ректору, всем на свете, — вспоминает Евгений Суханов. — Это было ужасно. Мы то-

гда вместе с моим предшественником Михаилом Николаевичем Марченко придумали следующий выход. Если студент был совсем тупым, а его высокопоставленные родители настойчиво названивали в ректорат и деканат, мы соглашались поставить тройку, но с условием, что студент уходит в МГЮА (Московская государственная юридическая академия. — Примеч. ред.). И мы туда десятками переводили людей, чтобы нашего диплома у них не было. В середине 90-х в России начался бум юридического образования, все хотели стать юристами, это было очень модно и востребовано. Я помню, как мне звонил ректор МГУ Виктор Антонович Садовничий и говорил: „Евгений Алексеевич, как же так? Из 20 звонков с просьбой помочь в поступлении, которые я получаю за неделю, 19 по вашему факультету и только один по мехмату“».

Александр Шохин вспоминает свою короткую встречу с ректором МГУ академиком Виктором Садовничим в 1996 году. «Мы с ним случайно пересеклись на каком-то мероприятии. Митя тогда учился на четвертом курсе. Садовничий меня спросил: „Александр Николаевич, я про вашего сына вообще ничего не слышу. Вы меня почему ни о чем не просите?“ Я говорю: „Наверное, у него все в порядке, поэтому и не слышите“. На самом деле не все, конечно, было в порядке, но никогда не возникало даже мысли куда-то звонить и просить помощи декана или тем более ректора».

«Конкурс был огромный: десять человек на место, —

вспоминает **Елена Мельникова**. — Но я очень основательно готовилась: репетиторы были пять дней в неделю, а во втором полугодии шесть дней. Особенно сложными казались занятия по истории. Урок мог длиться пять часов подряд. Уставала страшно. Помню, однажды пришла домой после занятий, до ночи готовилась к следующему занятию с репетитором, выключила свет, легла на кровать и... промахнулась. Очень больно упала на пол. Грохот был страшный! В этот год я, конечно, совершенно забила на школу и занималась только подготовкой к поступлению».

«Уровень в МГУ был очень высоким, это стало заметно уже по вступительным экзаменам, — рассказывает **Олег Князев**. — Например, испытания по английскому, который мы сдавали при поступлении, предполагали, что абитуриенты свободно владеют языком, — нужно было обладать огромным словарным запасом, зачастую не относящимся к юриспруденции. На мой взгляд, это делалось специально, чтобы отсеивать лишних людей. В конце концов, далеко не все оканчивают специколы с углубленным изучением английского языка. Даже моя мама, которая в советское время работала переводчиком в ИНИОН и прекрасно владела английским, с трудом могла осилить тексты, которые мы потом разбирали на занятиях. Там почти не было общих тем, все топики были узкопрофильные, например про холодильные установки или аборты».

«Экзамен по английскому был исключительно простым,

из серии „не бей лежащего“: можно было даже пользоваться словарем, — не согласна **Жанна Зенина**. — По истории мне досталась тема, которую я очень любила и хорошо знала, — Первая мировая война, плюс что-то еще очень простое. Помню, мы еще сдавали основы государства и права — этого предмета не было в школьной программе. Он подразумевал некие базовые вещи, но понять, где заканчиваются базовые знания и начинаются университетские, было трудно. Это был либо второй, либо третий год, когда ввели этот предмет, так что было совсем не ясно, чего ждать. Тем не менее экзамен прошел нормально. Проходной балл — 19, но в какой-то момент руководство МГУ приняло решение, что на курс зачислят и тех, кто набрал 18 баллов, то есть на 10 или 20 человек больше, чем положено. Это было здорово, потому что очень хорошие ребята смогли поступить».

Одним из таких счастливиц оказался **Андрей Егоров**. «Было 230 претендентов на 200 мест с проходным баллом 18, то есть он оказывался полупроходным, — вспоминает он. — Потом Молчанов, кажется, разыграл красивый спектакль с Сухановым или с кем-то из центрального аппарата, мол, может, начальство разрешит взять всех 230? И начальство разрешило... Тут у многих отлегло, прямо скажем. Овации в зале и все такое. И я понял, что поступил, хотя приготовился к разбору полетов, отбору по каким-то критериям и тому подобному».

*«Я ужасно нервничала: зачем-то переподготовилась и сдала вступительные экзамены на все пятерки, получив 20 из 20 баллов, хотя проходной балл потом снизили до 18, — рассказывает **Наталья Готовцева**. — После последнего экзамена я упала в обморок в метро и чуть не свалилась под поезд на станции „Марксистская“. К счастью, меня успели подхватить. Я, кстати, весила в конце поступления всего 47 кг».*

*«Я написала сочинение и сразу же уехала на дачу, поскольку у меня была золотая медаль и, получив пятерку за первый экзамен, я автоматически зачислялась, — вспоминает **Ирина Феофилова-Чувикина**. — Думала, что если не получу пятерку, то дальше, может, и не буду больше ничего сдавать, потому что первый экзамен мне дался очень тяжело в моральном плане, я очень переживала. Выйдя из аудитории, я чуть не упала в обморок. Не помню, кто меня подхватил. Поскольку я боялась даже мечтать, что так с ходу поступлю, попросила свою дальнюю родственницу съездить посмотреть оценки за сочинение. Помню, как шла на переговорный пункт, чтобы ей позвонить: своего телефона на даче у нас не было. Она мне радостно сказала, что напротив моей фамилии стоит пятерка. На первой же электричке я рванула из Купавны в Москву, в МГУ. Подходила к стене с результатами раза три точно — никак не могла поверить, что поступила. Но судьба мне улыбнулась. По силе эмоций радость была сравнимой с рождением ре-*

бенка. Еще помню, на экзамен мы ехали с папой на машине и, когда поравнялись с церковью, начался колокольный звон — для меня это было хорошим знаком».

Первым испытанием стало сочинение. Абитуриенты выбирали между любовной лирикой первой трети XIX века, образом Петербурга в творчестве Гоголя и вечным (а для многих — спасительным) Пушкиным. «Помню, что сочинение писал по теме „Петербург в произведениях Гоголя“ и в тексте на 20 с лишним рукописных страниц сделал три грамматические ошибки. Из них две — в слове „пароход“. Также помню, что к экзамену по английскому в принципе не готовился (начал отвечать свой топик — на втором предложении меня спросили, из какой я школы, и отпустили с пятеркой), а на основах государства и права я вроде бы приглянулся молодой аспирантке, которая принимала экзамен вместе с суровым профессором. И аспирантка как-то там удачно мой ответ развернула наводящим вопросом в том ключе, который позволил получить пятерку», — вспоминает **Петр Иванцов**.

«Тема вступительного сочинения оказалась близка теме выпускного, а его у меня признали лучшим в параллели. На объем механической памяти тогда не жаловался и воспроизвел выпускное практически дословно. Влепили четыре с формулировкой: „Тема понята правильно, раскрыта оригинально, излишняя эмоциональность речи не свидетельствует о глубоком знании текста“. Посмотреть автору форму-

лировки в глаза временами хочется до сих пор», — смеется **Борис Чигидин**.

«Помню, когда я пришла на первый экзамен, это было сочинение, я выбрала ту единственную тему, которую успела пройти со своим преподавателем, — любовная лирика первой трети XIX века, — вспоминает **Татьяна Ножкина**. — Я благополучно написала сочинение. Оценок надо было дожидаться десять дней, и это, с моей точки зрения, чистое иезуитство: все это время ты находишься в состоянии стресса и не знаешь, что делать дальше — то ли готовиться, то ли забыть все как страшный сон и идти купаться на пляж. Еле прожив эти десять дней, я пришла в университет и увидела свой результат — 4/5. Следующие экзамены прошли гораздо спокойнее: английский и теорию государства и права я сдала на отлично».

Для многих абитуриентов экзамены оказались проверкой не только на знания, но и на принципиальность: по итогам вступительной кампании на рассмотрение апелляционной комиссии поступило сразу несколько заявок. Одну из них подал **Андрей Егоров**. «Помню, как пришел на апелляцию по сочинению, — вспоминает он. — А мне там сказали: „Родной, иди скорее отсюда. У тебя там столько ошибок, что это трояк железный. Просто преподам понравился твой нетрадиционный заход на любовную лирику первой трети XIX века“ (не знаю, каким чудом, но у нас было такое же сочинение в школе, поэтому я что-то и выжал из

себя, хотя кроме Пушкина и Лермонтова ничего не знал). На теории государства и права меня завалили какие-то два молодца. Вот реально завалили. На четыре. Этого достаточно было, чтобы не пройти, ибо впереди были иностранный язык и история. Помню, как на экзамене по английскому все оказалось элементарно. Все-таки школа МГИМО не прошла даром, как я теперь понимаю. Это и потом было видно, что кафедра языка в МГУ слабая, нас даже уже поступивших не учили нормально».

«Получить четверку за вступительное сочинение было ужасно обидно, поэтому я пошел на апелляцию, чем здорово удивил комиссию, — рассказывает **Георгий Миронов**. — С четверками апеллировали только медалисты, каковым я не был. На апелляции мне показали мое сочинение, в самой первой фразе которого была лишняя запятая. А в конце проверяющий написал что-то типа „излишне эмоциональное сочинение“. По правилам за одну ошибку в пунктуации оценка не могла быть снижена на целый балл, видимо, сыграло роль то, что она была допущена в самом начале сочинения. Кроме того, существовал негласный лимит на пятерки по сочинению. В целом с учетом огромного количества двоек и троек в списках я не очень расстроился».

Последним и самым сложным экзаменом, по воспоминаниям выпускников, стала история, которая на юрфаке традиционно считается одной из главных дисциплин. Единственным послаблением была возможность пользоваться контур-

ными картами. «Нас экзаменовали двое мужчин — пожилой профессор и его аспирант, — вспоминает **Татьяна Ножкина**. — Первый вопрос был про Временное правительство. У меня спросили, кто был председателем Временного правительства. Я ляпнула, причем довольно уверенно: „Троцкий“. И тут профессор, который все это время что-то писал в своих бумажках, поднял глаза над очками и в ужасе спросил: „Кто-кто?“ Я поняла, что это провал, но нашла в себе силы извиниться, сказать, что все перепутала от волнения, и таки дать правильный ответ, вспомнив Львова. В качестве дополнительного вопроса меня попросили назвать всех остальных министров, но с этим я справилась легко. Они, видимо, были очарованы моей непосредственностью, и я в итоге получила пятерку и благополучно поступила».

«По истории мне нужно было обязательно получить пятерку. В противном случае я не проходила, — вспоминает **Надежда Стасюк**. — А историю я всегда хорошо знала и вытаскивала неплохой, на мой взгляд, билет. Один из вопросов касался коллективизации. Я прекрасно знала тему и все, что могла, рассказала, упомянув, конечно, что коллективизация началась с известной статьи Сталина в „Правде“. В конце моего ответа преподаватель спросил, как называлась та самая статья Сталина. И я поняла, что у меня ступор, — не могу вспомнить, и все. Говорю ему, что в названии статьи два слова, но не помню какие. Он кивает, берет мою зачетку и спрашивает: „А у вас бывает головокруже-

ние от успехов?“ Я говорю: „Не бывает“. И через минуту до меня доходит, что это и есть название статьи Сталина. Так что мне повезло: благодаря доброму преподавателю получила пятерку и поступила».

«На экзамене по истории я понес то, что нам рассказывали в МГИМО, и у преподавателей округлились глаза, — смеется **Андрей Егоров**. — Речь шла про расселение славян по нынешней территории России. Зато второй вопрос мне попался про период между Аустерлицем и первой Отечественной войной. Я каким-то чудом вспомнил, что мы там успели в перерыве сделать. Кажется, прихватить Швецию. Преподаватель был доволен. Показав на какую-то оценку, он сказал своей юной напарнице (явно из аспиранток): „Пусть учится“. Я набирал 18 баллов, откуда он знал, что это будет проходным, я не знаю. А потом мне в спину: Arbeit macht frei. Сильно после выпуска я вдруг узнал, откуда эти слова... Что он имел в виду, я не понимаю, но до сих пор благодарен ему и судьбе за этот балл».

Валерий Еремин оказался одним из немногих, кому тогда удалось получить высший балл. «По истории я получил пятерку и в итоге набрал 19 баллов, — вспоминает он. — На радостях выскочил из аудитории, забыв там свои очки. Не поверите, но до сих пор никак не могу справиться по поводу новых очков. Они мне так и не пригодились, хотя я их носил с пяти лет».

Впрочем, вступительные экзамены были не только местом

экзакуции, но и отправной точкой будущей студенческой жизни. «То ли от метро мы шли с какой-то симпатичной девчонкой, то ли познакомились непосредственно в аудитории, где объявляли о зачислении, не помню точно. Обсуждали, что все это нервно. Я получил 18 баллов, довольный, радостный, спрашиваю у той девчонки (она тоже довольная такая): „А у тебя сколько баллов-то было?“ Она мне отвечает: „Двадцать“. Я до сих пор помню, как у меня челюсть клацнула. Я ей говорю: „А чего ты тогда переживала?!“ Она: „Ну, на всякий случай“. Это была Ира Илюшина», — вспоминает Еремин.

«На вступительном экзамене по истории впервые увидела Митю Шохина, — рассказывает **Ирина Рожина**. — Наши родители стояли рядом и ждали, когда мы выйдем из аудитории. А история была экзаменом на вылет, потому что после него отсеялось очень много абитуриентов. В какой-то момент, когда я уже была в коридоре, Митя вышел из аудитории и громко, на весь этаж закричал: „Интеллект победил!“ Мне почему-то до сих пор запомнились эти слова. Видимо, уровень стресса зашкаливал и такой победный боевой клич был как раз прекрасным выходом из ситуации».

«На вступительном сочинении моя мама познакомилась с мамой другой девочки, которая тоже поступала. Наши родители на протяжении всей вступительной кампании поддерживали связь, а сами мы никак не могли увидеться, потому что все время были в какой-то суете. Первые три ме-

сяца первого курса я пыталась ее найти. Знала, что ее саму звали Юля, а маму — Соня. А она, в свою очередь, искала Аню, у которой мама Таня. В итоге мы нашлись, подружись, она меня даже рекомендовала на мою первую работу»,
— рассказывает **Анна Шашина**.

Трудности быта

О бытовой неустроенности университетской жизни середины 1990-х вспоминают многие выпускники и преподаватели. В аудиториях не хватало мебели (в ходу была шутка «собери себе стул из четырех обломков первым»), туалеты требовали ремонта, а окна защищали разве что от птиц: зимой изо всех щелей дуло, что создавало весьма экстремальную обстановку в аудиториях. Об этом, в частности, вспоминает выпускник факультета **Валерий Еремин**: *«Мы сдавали экзамен по финансовому праву (с которым у меня всегда были проблемы) декану юридического факультета МГИМО господину Толстопятенко. Дело было зимой, в аудитории стоял жуткий холод и нам разрешили сидеть в помещении в куртках. Толстопятенко ходил по аудитории и говорил: „Какой же холод, можно дуба дать. Можно дать дуба. Кстати, интересно, откуда пошло это выражение?“ Мы пишем, не обращаем внимания на этот бред. А я к тому же плохо знал свой билет. Между тем Толстопятенко все не унимался: „Кто сейчас скажет, откуда пошло выражение „дать дуба“, тот автоматом сдал экзамен“. И я выдвинул версию: „Может, потому что в дубовых гробах хоронили?“ Преподаватель на меня посмотрел и сказал: „Кстати, хорошая версия, давайте зачетку“. Я ему даю зачетку, он ставит мне четверку, я бросаю взгляд в аудиторию, которая*

продолжает готовиться, и читаю в глазах однокурсников: „Вот гад!“».

«На семинарах у нас даже не было нормальных стульев, — рассказывает **Константин Кроль**. — То есть они были, но их всегда не хватало. Допустим, если на занятие приходило 20 человек, сесть могли только шестеро-семеро. И нам все время приходилось бегать по другим аудиториям в поисках свободных стульев. Самый удобный и крепкий нужно было обеспечить преподавателю. Однажды мы допустили ошибку и не сделали этого. По-моему, тогда семинар вел профессор Руслан Федорович Васильев, светлая голова, фронтовик, специалист по конституционному праву, участник Конституционного совещания и соавтор российской Конституции. Он зашел в аудиторию, увидел, что у него нет нормального стула, попросил нас встать и проследовать к деканату, что мы и проделали. Всей толпой пришли туда, расселись, и он начал семинар прямо под дверьми декана, „чтобы им всем было стыдно“». Акция оказалась яркой, но безрезультатной: дефицит стульев в Первом ГУМе оставался нормой вплоть до начала 2000-х годов.

«Мебели действительно не хватало, но иногда встречались такие вещи, которые поражали своим великолепием, — добавляет **Елена Чернова**. — Например, на пятом этаже было большое старинное зеркало, оно стояло слева от входа на какой-то не менее древней тумбочке. Я даже не знаю, откуда его притащили, но оно было явно старше са-

мого здания. И почему-то все в нем казались очень красивыми. Я очень хорошо его помню, потому что часто подходила полюбоваться своим отражением, да и все остальные девочки тоже. А потом оно куда-то исчезло».

Ремонт в здании если и случался, то имел стихийный, порой даже экстремальный характер. Так, например, рабочие могли чинить батареи или заклеивать окна прямо во время занятий. Вспоминает **Константин Кроль**: «Однажды в начале отопительного сезона посреди лекции кого-то из заслуженных профессоров в аудиторию ворвались несколько человек в халатах, сапогах и резиновых перчатках, подошли к батареям и стали стучать по ним ключами. Преподаватель уважительно прервал лекцию, ничего им не говоря, — просто стоял и смотрел. Те минут десять долбили по батареям, после чего молча встали и ушли. Лектор развел руками и тяжело вздохнул».

Впрочем, обстановка в Первом ГУМе мало чем отличалась от любого другого университетского здания той поры: в 1990-е вузы фактически лишились госфинансирования и на протяжении многих лет существовали в режиме выживания, экономя на всем и на всех. Именно тогда в государственных вузах, в том числе на юрфаке МГУ, появились коммерческие отделения, конкурс на которые, впрочем, тоже был высок. Одним из первых студентов-платников был Олег Князев. Он вспоминает:

«Я занимался на подготовительных курсах вместе с Се-

режисер Самсоновым по прозвищу King и поступил довольно легко, правда, недобрал один балл (получил тройку по истории) и до четвертого курса учился на коммерческом отделении — за меня платило предприятие, где я тогда работал. А на четвертом курсе всех платников — нас было всего семь человек — перевели на бюджетную форму обучения, поскольку в МГУ началась какая-то жесткая проверка, а университет по закону тогда не мог оказывать платные услуги».

«Несколько лет университет действительно находился в чрезвычайно сложном положении, — подтверждает **Евгений Суханов**. — Только в конце 90-х нам удалось немного навести порядок. А до этого главной задачей было уберечь сложившийся профессорско-преподавательский состав. И это в общем-то удалось: с факультета почти никто не ушел. В середине 1990-х мы еще были самостоятельным юридическим лицом со своими счетами. Мне удалось добиться закрытия вечернего отделения: вместо него открыли спецотделение, где давали второе высшее образование. Благодаря этому стали получать дополнительный доход. При этом я всегда стоял на том, чтобы дневное отделение было только бесплатным. На дневное мы принципиально не брали платников».

О наступлении капитализма в России в середине 90-х можно было судить по многим вещам: распространению первых мобильных телефонов и пейджеров, количеству подер-

жанных иномарок на площадке перед главным зданием университета, популярности кроссовок *Reebok* и джинсовых костюмов. Но главным индикатором прогресса все эти годы оставалось меню в университетской столовой. *«Первые курсы с едой во всем МГУ была беда, — вспоминает Елена Мельникова. — В какой-то момент на втором „сачке“ открыли модный буфет — кажется, это было первое коммерческое предприятие в университете. Сначала мы расстроились, потому что он занял место, где обычно все собирались и весело проводили время, но потом оценили его по достоинству, ведь там продавали еду, которую по крайней мере можно было есть: бутерброды, пиццу, круассаны, шоколадные батончики. Рядом с витринами стояли высокие столики, где можно было выпить кофе. Однажды мы с Митей Шохиным пошли в этот буфет, чтобы перекусить. Там толпились студенты, как всегда, куча народу. Чтобы разогнать очередь, Митя неожиданно схватил меня под руку и потащил через весь „сачок“ к буфету с криками: „Разойдитесь, человека тошнит! Тошнит!“ Подействовало».*

«Когда мы только поступили, во всем здании царила советская атмосфера — были какая-то страшная столовая, буфет с плохим кофе и больше ничего, — рассказывает Анастасия Дорошенко. — Но ситуация быстро менялась. Мы видели, как развивается капитализм в стране, на примере нашего гуманитарного корпуса: появлялись большие книжные развалы, новые кафе с пиццей, хот-догами, кофе „три в

одном“ и тому подобным. Все это тогда казалось прогрессом и признаками „сладкой жизни“. Между лестницами были закоулки, откуда иногда доносился характерный запах травы».

«Сачок»

Сердце Первого ГУМа — «сачок», или, как его называли первые выпускники, «сачкодром», — место, где собирались студенты со всех курсов всех гуманитарных факультетов для того, что в академическом лексиконе преподавателей называлось «неформальным общением». Главный, или большой, «сачок» располагался на первом этаже, рядом с гардеробом, малый «сачок» занимал площадку перед верхними дверьми в лекционные залы на втором (вход в них был с двух этажей). На большом «сачке» тусовались «ребята, которые любили попонтоваться» — мажоры, или попросту блатные, вспоминает **Елена Борсук**. Малый «сачок» был местом для людей попроще.

По воспоминаниям **Евгения Суханова**, «сачок» в 90-е был «особенно плохим местом»: здесь почти открыто торговали наркотиками, часто случались потасовки. Бывшие студенты подтверждают — найти травку в университете было несложно: продавали ее не только на «сачке», но и на всей территории МГУ, а курили в строго отведенном (самими студентами) месте: на одной из двух винтовых лестниц. *«На нашем этаже была лестница, где можно было совершенно легально курить, — говорит Елена Чернова. — Я пришла в МГУ 15-летним ребенком, потому что окончила школу экстерном, и следующие пять лет провела на этой лестни-*

це, стоя в густом дыму. А еще были смелые люди, которые курили на 11-м этаже, где находился философский факультет. Именно поэтому у нас ходило много шуток по поводу того, что философы на 11-м этаже „витают в облаках“. В облаках дыма. Вспоминаю, что там вся стена была в „запятах“, потому что у студентов существовала традиция: выкурил — нарисуй своим бычком на стене запяточку».

Впрочем, своей славой «сачок» обязан вовсе не вредным веществам: именно в этом месте разворачивалась настоящая студенческая жизнь, познать которую могли только те, кто хотя бы иногда здесь оказывался. «Сачок» был территорией тотальной свободы: тут пили портвейн, играли на гитаре, заводили романы, составляли планы покорения мира и на практике постигали все тонкости бизнеса по-русски. «В 1994 году мы переезжали с дачи в московскую квартиру и у нас скопилось бесконечное количество книг, которые там просто не уместались, — вспоминает **Дмитрий Шохин**. — Родители поставили задачу что-то с ними сделать. Я собрал все эти книги в огромную спортивную сумку и каким-то образом дотащил до университета. Там на первом этаже было два киоска, где продавались учебники, художественная литература и даже редкие фолианты. Мы притащили из какой-то аудитории стол и в пику продавцам из киосков стали продавать мои домашние книги. Если у конкурентов они стоили по 200—300 рублей, то мы отдавали за 15—20. Все книжки мы с друзьями подписали „от автора“. Одна

девочка взяла за приличную сумму (мы на нее потом купили ящик пива) „Историю КПСС“ 1947 года издания — ее тоже подписали „от автора“. Этой своей акцией мы спровоцировали дикий ажиотаж: книжки никому не были нужны, но за такие деньги все были готовы взять. Кончилось дело тем, что продавцы из киосков, которые пытались нас оттуда вытурить, вызвали „крышу“: пришли какие-то ребята с битой и стали нас прогонять. В ответ мы организовали свою „крышу“: подарили уборщице бабе Даше две книги с подписью „от автора“, она их с благодарностью приняла, взяла швабру и, тыкая ею в лицо нашим обидчикам, выгнала их из здания».

«На „сачке“ было интересно, — улыбается **Наталья Гуськова**. — Например, сидишь, куришь, а мимо тебя проходит какой-то мальчик, который играет на флейте. Сам себе. Откуда он? Откуда флейта? Кому он играет? Непонятно. Но очень здорово. Еще можно было зайти через верхний вход в аудиторию, посидеть там немного, пока преподаватель тебя не увидит, и уйти заниматься своими делами. Например, пить ликер. В 1994—1995 годах у нас начался бум польских ликеров — яблочных, персиковых, грейпфрутовых. Их мы пили много и часто».

«Наши „сачок“ был огромным достоянием — например, в МГЮА, куда я потом перевелась из МГУ, ничего такого не было. Мы все проводили там много времени: ребята играли в карты, девочки разговаривали. Выпивать не разрешалось,

но все равно выпивали. Хотя мне и так было весело. Среди обитателей „сачка“ были по-настоящему легендарные личности, например наш однокурсник — мальчик по имени Арзамас, который учился на первом курсе то ли третий, то ли пятый год. Он каждый год вылетал, а потом восстанавливался», — добавляет **Юлия Белукова**. **Елена Мельникова** вспоминает другого завсегдатая «сачка» — студента философского факультета Армена, который регулярно устраивал импровизированные концерты — пел и играл на гитаре: «Армен был настоящей звездой МГУ, в него были влюблены все девочки со всех факультетов, по крайней мере в гуманитарном корпусе. Помню, из-за него даже случались скандалы. Он часто приходил на „сачок“ и что-нибудь нам играл. Мы наливали в банки из-под кока-колы любой попавшийся под руку алкоголь, чаще всего портвейн или водку, рассаживались вокруг него, как в амфитеатре, и наслаждались», — рассказывает Мельникова.

Впрочем, особая атмосфера «сачка» и без алкоголя действовала на обитателей Первого ГУМа расслабляюще. К тому же до середины нулевых о повсеместном и круглосуточном видеонаблюдении в общественных местах не было и речи, а значит, можно было если не все, то многое. «Помню, мы уже были пятикурсниками, многие из нас работали в крупных западных компаниях, все были серьезные и взрослые. И вот однажды после лекции я выхожу на второй этаж через заднюю дверь аудитории и вижу, как по „сачку“ галопом

скачет Митя Шохин, который уже тогда работал в крупной юридической компании. Представьте себе Митю в пиджаке, в галстуке, с каким-то портфелем. Он несетя что есть дури по коридору, а за ним скачут два первокурсника и на ходу сдирают с него пиджак. Оказывается, они просто играли в салочки. Очень хорошо помню, как посмотрела на эту картину и подумала, какие же мы все еще дети», — вспоминает **Елена Чернова**.

Сам **Дмитрий Шохин**, в свою очередь, вспоминает другую, не менее показательную историю. «Моя подруга Настя Дорошенко устроилась работать на одну из первых радиостанций, где вела какую-то передачу. Это было нереально круто, она даже привлекала нас для того, чтобы мы сделали ей музыкальную заставку. Помимо этих отбивок, мы стали записывать разные песни. Помню, однажды мы ехали в лифте с восьмого этажа, и все стали петь песню из „Бременских музыкантов“. Нас было слышно на все здание. В какой-то момент открываются двери и стоим мы с каменными лицами, как будто вообще друг друга не знаем. Лица людей, которые ждали лифт внизу, не надо описывать».

«Сельпо» и окрестности

Главной приметой студенческой вольницы 1990-х годов была свободная продажа алкоголя. Его можно было легально купить в нескольких точках на территории университета. Центральная располагалась между Первым и Вторым гуманитарными корпусами. Ничем, кроме самого факта своего существования, не примечательный продуктовый магазин — в народе «стекляшка», или «сельпо», — стал настоящей алкогольной Меккой для большинства обитателей Ленинских гор. В перерывах между парами студенты отправлялись туда за спасительной порцией пива или портвейна. Для того чтобы выйти из университета, перейти дорогу и оказаться в «стекляшке», требовалось десять минут. А распивать любимые напитки можно было прямо на лекциях или после занятий — на «сачке». Самые же отчаянные находили куда более экстремальные способы приобщиться к прекрасному.

*«В начале второго курса я с еще тремя нашими орлами, чьих имен здесь пусть не будет, сговорившись с деканатскими девицами, устроили загул непосредственно в кабинете Суханова — тот был в командировке, — вспоминает **Борис Чигидин**. — Страшно стало, когда часу на третьем этой гулянки Раиса наша Васильевна, инспектор курса, зашла в деканат покормить хомячков и сгребла нас тепленькими во всех применимых смыслах. Обошлось, правда, даже без вы-*

говоров».

«Алкоголь в „стекляшке“ продавался самый гадкий, что только был на свете, самый дешевый, — вспоминает **Екатерина Заводнова**. — Помню, в какой-то год 25 января, в День студента, почему-то ни у кого не было денег — то ли стипендию задержали, то ли, наоборот, все потратили. Собрали с трудом. Отправили в „стекляшку“ гонца, который принес мерзейший портвейн в темных пол-литровых бутылках с невразумительным названием. Когда открыли, поняли, что пить это невозможно. Потом чья-то светлая голова сообразила, что нужно купить большую бутылку кока-колы и разбавить портвейн. Ничего, все выпили и даже остались в живых».

Приносить алкоголь с собой тоже не возбранялось: главной задачей выпивающих в этом случае было найти надежное место для хранения и употребления. «У меня был друг, который не учился с нами, но был в нашей тусовке, — рассказывает **Дмитрий Шохин**. — Он рано ушел в коммерцию, и однажды с ним расплатились крымским портвейном. Юрфак гудел несколько недель. Он обычно брал с собой несколько бутылок, приходил и собирал компанию. На первом-втором курсе его еще мало кто знал, поэтому он заходил на какой-нибудь семинар и говорил: „Иванов, немедленно к декану!“ А он уже работал, носил костюм и выглядел очень солидно, никто не смел ему возразить. Иванов выходил и возвращался часа через полтора сильно пьяным».

В главном здании МГУ находилось и до сих пор находится отделение полиции (прежде — милиции), куда попадали все, кому не повезло выпить свою порцию раньше, чем нарушителя заметит патруль. Процедура задержания была стандартной: сержант оформлял протокол, после чего отпускал нерадивых студентов, выдав им недопитые бутылки. Девушек, по свидетельствам старожилов, никогда не забирали, но те частенько стояли под дверьми отделения в ожидании своих спутников.

«Я в этом отделении был шесть раз, — рассказывает (не без гордости) Валерий Еремин. — Надеюсь, там до сих пор стоит лавка, на которой я написал ручкой „Валера“: Однажды сидел возле трехзального корпуса и читал лекцию, потому что через час начиналось семинарское занятие и к нему нужно было хорошо подготовиться. Соответственно, я прогулял лекцию и пошел готовиться к семинару. Ко мне подошли две девушки, явно первокурсницы, и попросили помочь открыть бутылку вина. Я, конечно, согласился. Как сейчас помню, это была бутылка „Ркацители“. Я ее открыл и с видом победителя протянул девушкам. В этот момент рядом с нами остановилась милицейская машина и меня забрали. Хотя я не только не сделал глотка, но даже и не собирался этого делать. Меня забрали в отделение, где я просидел часа два. Признаться, что я студент, было нельзя, иначе бы меня тут же отчислили. Ничего не оставалось, кроме как спрятать в ботинок студенческий билет и

сказать, что я абитуриент, сиюжу жду своего преподавателя-репетитора. Часа через два меня отпустили, вернули бутылку вина, и я вышел на улицу, где меня, как декабристки, ждали эти две девушки. С одной из них у нас случился короткий роман, но это уже совсем другая история».

Во Втором учебном корпусе, где располагались экономический факультет и ВМК, продавали шампанское, которое особенно быстро расходилось в день получения стипендии. «Так продолжалось до тех пор, пока кто-то из студентов, какой-то горячий юноша, видимо, выпив где-то предварительно водки, не напился и не начал бегать по буфету голым. После этого продажу алкоголя во Втором корпусе свернули, — вспоминает **Елена Чернова**. — Все, конечно, этого мальчика проклинали. Но мы быстро нашли выход: стали ездить в соседний МГИМО, где шампанское еще продавали. И хотя система прохода в институт была очень жесткой, мы туда как-то проникали».

Мажоры

Мажоры — подзабытое слово из еще советского лексикона — в середине 90-х обрело былую популярность и новый смысл. Теперь так называли не только детей дипломатов, высших партийных руководителей и заслуженных деятелей культуры, но и выходцев из семей еще только зарождавшегося сословия — «новых русских».

«На юрфаке было намешано столько разных людей, что это создавало потрясающее впечатление разнообразия мира. Потом, в еще более сильном виде, я столкнулся с этим в Штатах. Например, на четвертом курсе у нас была военная кафедра, и один мальчик прямо на плац, где все строились, въезжал на своем джипе и становился вместе со всеми», — вспоминает Дмитрий Шохин.

«Что ни говори, на курсе было заметное социальное расслоение, хотя и не такое ужасное, как в последующие годы, — говорит Мария Куртишова. — Тем не менее оно существовало, и люди из благополучных московских семей были совсем другой социальной группой, чем люди с рабочих окраин, приехавшие с голыми амбициями. С нами учились несколько человек, которые пытались бравировать своим „другим“ социальным статусом, но я не ощущала это как большую проблему. Проблема была в нас: мы боялись столкнуться с тем, что нам укажут на наш „низкий“ статус, по-

этому мы не рисковали и сами не лезли. У нас было свое пространство общения, оно было динамичным, интересным, безопасным. Мы, жители ДСВ, были одинаковыми в социальном смысле слова, все мои соседи по общежитию были одаренные прекрасные ребята, с которыми мне нравилось общаться».

Лейла Нейман вспоминает, что только в университете узнала о существовании брендов одежды. *«До этого в моем сознании была просто одежда: брюки — это брюки, юбка — это юбка. О том, что эти брюки и юбка могут быть брендовыми, а значит, более или менее престижными, я узнала от своих однокурсников. Я считаю, это очень показательное свидетельство того, что расслоение существовало. Впрочем, я не помню, чтобы кто-то из детей высокопоставленных людей вел себя высокомерно. Просто мажоры общались с мажорами, более скромные общались с равными себе. И потом, те, кто начинал работать, очень быстро поднимались и становились новыми „мажорами“, а те, кто сидели на родительских деньгах и ничего не делали, оказывались в аутсайдерах».*

Впрочем, материальных индикаторов социального расслоения было не так много. Одним из них считался мобильный телефон с безлимитной связью — такой, по воспоминаниям **Андрея Котляра**, был у одного из его однокурсников, который впоследствии возглавил компанию «Билайн». Для большинства же россиян, даже самых состоятельных, соб-

ственный телефон оставался предметом роскоши еще долгие годы, вплоть до середины нулевых. «Помню, однажды Митя пошел на какую-то вечеринку, откуда должен был поздно вернуться, — рассказывает **Александр Шохин**. — Мобильного телефона у него тогда еще не было, и я отдал ему свою Motorola, чтобы он позвонил и сообщил, что с ним все в порядке. Но он так и не позвонил, хотя знал, как мы с его мамой переживаем. Когда он наконец под утро пришел домой, я сгоряча этот телефон вырвал у него из рук, бросил на пол и растоптал. А поскольку получить новый аппарат тогда было непросто, у меня была весьма продолжительная пауза в пользовании мобильным телефоном. Я потом не раз пожалел, что так поступил».

Всего несколько студентов на курсе могли похвастаться подержанными иномарками. Вспоминает **Татьяна Шохина**: «Митя учился курсе на третьем. Однажды он мне позвонил и сказал: „Мама, однокурсник ехал на своем Volvo в университет и стукнул мою машину“. Я просто рыдала от счастья! Понимаете, это и был результат всех реформ 90-х годов. Невозможно себе представить такой эпизод в советское время, когда на всю Москву было несколько иностранных машин. А тут два студента, оба на иномарках, еще и стукнулись!»

«Вообще, тогда все были заняты выживанием, потому что денег ни у кого не было. Очень хорошо помню, как в 1993 году нам раздали ваучеры. И я поступил гораздо мудрее сво-

*их родителей: рядом с университетом находился киоск, где продавали табак, и я обменял свой ваучер на пару упаковок сигарет Kent. Таким образом, я очень выгодно вложил деньги в свое здоровье. Остальные не получили вообще ничего», — иронизирует **Олег Громыко**.*

*«Мы все были примерно одинаково одеты, машин и дорогих часов почти ни у кого не было, — добавляет **Юлия Белукова**. — Я сама из самой обыкновенной семьи, и мне всегда было комфортно среди моих однокурсников, никогда не приходилось краснеть, что ты чего-то не можешь себе позволить».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.